

Фольклорный мотив: инструмент анализа и объект изучения

УДК 82-343

DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-1-10-29

Мотив как идеальный тип, или Трикстерские эпизоды в евразийском фольклоре

Юрий Е. Березкин

Музей антропологии и этнографии

им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия, berezkin1@gmail.com

Аннотация. Фольклорный мотив есть инструмент анализа, выбор которого зависит от цели исследования. Наша цель состоит в прослеживании межрегионального обмена идеями в различные периоды прошлого. О распространении идей удастся судить, изучая порождаемые ими объекты – материальные (археологические памятники) или нематериальные (традиционные повествования). Идеи и представления копируются и распространяются бессознательно. Мотив есть любая единица репликации (чаще всего эпизод или образ), обнаруженная в двух или более традициях, а традиция – совокупность нарративов, зафиксированных в пределах той или иной этноязыковой общности или территории. «Мотив» не реальный объект, но абстракция, мысленный образ, шаблон, с которым сравниваются объекты. М. Вебер называл такие шаблоны «идеальными типами». Об эффективности использования того или иного шаблона свидетельствует только практика. Среди мотивов выделяются тематические группы, примерно соответствующие жанрам повествований, из которых они выделены. В статье на евразийском материале анализируются результаты статистического анализа трикстерских мотивов с зооморфными и с антропоморфными акторами. Конфигурация выделенных сфер обмена информацией позволяет датировать распространение мотивов с антропоморфными участниками концом античности – началом Нового времени, а эпизодов сказки о животных – средневековьем и ранее. Для средневековья заметно влияние традиций Великой

Степи на восточно-европейские, а для начала Нового времени – появление отсутствовавшей ранее границы между христианской Европой и азиатско-африканской сферой взаимодействия. Китай находится вне этой оппозиции.

Ключевые слова: жанры фольклора, сказки, трикстер, фольклорный мотив, большие данные в гуманитарных науках, устные традиции как исторический источник, сферы коммуникации

Для цитирования: Березкин Ю.Е. Мотив как идеальный тип, или Трикстерские эпизоды в евразийском фольклоре // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 1. С. 10–29. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-1-10-29

The motif as an ideal type, or Trickster episodes in Eurasian folklore

Yuri E. Berezkin

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;*

*European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia, berezkin1@gmail.com*

Abstract. Folklore motif is an analytical tool created for the particular kind of research. Our purpose is to reveal routes of the interregional exchange of ideas in different periods of the past. The dissemination of ideas can be followed when we study material (archaeological sites) and non-material (traditional narratives) objects created because of particular ideas adopted by people. Ideas are copied and disseminated unconsciously. The folklore motif is any unit of replication (most often an episode or an image) registered in two or more traditions. The tradition is a totality of narratives recorded for a particular ethnic group or across a particular territory. Motifs can be classified according to thematic groups that approximately correspond to genres of those narratives from which they are selected. The author analyses the results of computing trickster motifs with animal and anthropomorphic actors. The area configuration of the selected interaction spheres suggests that the spread of the motifs with anthropomorphic actors took place mostly from the late Antique period to the early New Time, and the spread of the animal tales – during the Middle Age and earlier. The influence of the Great Steppe on East Europe is noticeable for the Middle Age with the emergence of the borderline between Christian Europe, and the Asian-Africa interaction sphere is a characteristic trait of the early New Time. China is outside of this opposition.

Keywords: folklore genres, folktales, trickster, folklore motif, big data in the humanities, oral traditions as a source of historic data, interaction spheres
For citation: Berezkin, Yu.E. (2022), "The motif as an ideal type, or Trickster episodes in Eurasian folklore", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 1, pp. 10–29, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-1-10-29

Об определении мотива

Определение фольклорного мотива само по себе не может быть верным или ошибочным. Только объекты природы обладают имманентными свойствами, а представления об истории и культуре зависят от установки исследователя. Не разделяя вполне позицию немецких неокантианцев и Р.Дж. Коллингвуда, ставивших акцент на субъективности исторического познания¹, нельзя не признать, что, как только историк или антрополог переходит к обобщению и интерпретации фактов, он в лучшем случае создает опирающиеся на них и по возможности непротиворечивые схемы. Но что именно он выделит в качестве важного, а что посчитает второстепенным, зависит не от материала, а от принятой исследователем системы ценностей. Как возникают сами системы ценностей, проследить трудно, а почему – вряд ли вообще возможно.

Исторические и антропологические конструкции состоят из «идеальных типов» – созданных исследователями шаблонов, с которыми соотносятся данные источников. М. Вебер, введя понятие «идеального типа»², подчеркивал, что речь идет о «мысленном образе», «который нигде эмпирически не обнаруживается». Выбор шаблона, т. е. научного понятия, зависит не только от особенностей объекта, но и от цели исследования. Если цель одна, разные шаблоны продемонстрируют разную эффективность, но если цели различны, сравнивать определения понятий нет смысла. Безразлично, что писали другие специалисты по какому-то поводу, если базовые представления о материале отличны от наших. Можно сравнивать исследовательские парадигмы, но сейчас это не является нашей целью.

¹ Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Введение в науку о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории: Пер. с нем. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография / Пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 485 с.; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. М.: Республика, 1998. 413 с. См. также [Windelband, Oakes 1980].

² Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 389–390.

Я начал систематизировать сведения по мифологии полвека назад, когда не только не читал М. Вебера, но даже о С. Томпсоне или о Ф. Боасе разве что слышал. Интуитивно я знал, что следует делать, но осмыслить все это с багажом знаний начинающего археолога было практически невозможно. Ни К. Леви-Строс, ни Б.Н. Путилов, ни А. Дандес, ни Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров, ни даже Е.М. Мелетинский или В.Я. Пропп не могли помочь, и если я изредка цитировал их работы в области фольклористики и сравнительной мифологии, то делал это, следуя моде. И на какие только определения мотива я не наткнулся! Немецкий филолог и фольклорист Ф. Ранке в начале XX в. даже писал о «мотиве в устах ликующей души» и «в устах страдающей души»³. Порой возникало ощущение профессиональной неполноценности: может быть, я не понимаю великих людей в силу невежества?

И лишь постепенно стало ясно, что проблема не в круге чтения, а в том, что я занимаюсь не той наукой, которой посвятили себя перечисленные исследователи и интеллектуалы. Используя в качестве исходного материала традиционные повествования (записанные недавно или в глубокой древности), я оставался и остаюсь археологом, занятым не поиском смыслов в культуре, а реконструкцией тех аспектов прошлого, которые не зависят от мироощущения как исследователей, так и их информантов и могут быть измерены математически – хотя бы потенциально.

Речь идет об истории распространения идей на основе изучения возникших под влиянием этих идей объектов – материальных (археологические памятники) или нематериальных (традиционные повествования). Изобразительный материал находится где-то между этими двумя категориями источников, но сейчас мы его не касаемся. Сами идеи реконструировать, разумеется, нельзя, но можно выяснить, какие регионы и когда воздействовали друг на друга. Распространялись ли идеи в ходе массовых миграций или эпизодических контактов – это анализ наших данных определить не может, и, наверное, это не так и важно. В любом случае благодаря обмену идеями либо вследствие длительной изоляции формировались региональные особенности культуры, в том числе нашей собственной.

В любом историческом исследовании систематизация материала предусматривает определение его географического распространения и датировки. В археологии датировка опирается на методы точных наук. Фольклор и мифология лишены ресурсов для хронологической привязки данных. Эпохальная датировка этих

³ *Ranke F. Der Erlöser in der Wiege. Ein Beitrag zur Deutschen Volkssagenforschungen. München: Oskar Beck, 1911. S. 39, 42.*

данных возможна лишь на основе сопоставления с выводами других исторических дисциплин – археологии, письменной истории, популяционной генетики и сравнительного языкознания. В этом единственное важное отличие сравнительной фольклористики/мифологии в моем понимании от археологии, хотя есть, конечно, и менее значимые.

Существуют два подхода к фактам культуры.

С одной стороны, элементы культуры подвержены репликации, т. е. возникают в результате бессознательного копирования существующих элементов и сами служат образцами для дальнейшего копирования. На это, по сути дела, указал уже Э. Тайлор в своем определении культуры⁴. Культура меняется не в результате спонтанных изобретений (можно ли вообразить то, чего нет?), а в ходе взаимодействия культурных комплексов, рекомбинации их элементов, равно как и вследствие ошибок копирования. Этот процесс бесконечно сложен, и его направление непредсказуемо, однако в общих чертах он реконструкции поддается.

С другой стороны, факты культуры, по отдельности и в любых комбинациях, осмысляются и оцениваются людьми, представляющими те бесчисленные сообщества разного характера и величины [Adams 1975], к которым люди принадлежат. Обо всем этом более ста лет назад написал Э. Дюркгейм⁵. После него то же кратко объяснил К. Гирц [Geertz 1973, pp. 92–94]. Коллективы навязывают оценки своим членам, взгляды и мнения не формируются самопроизвольно в головах отдельных людей, но также являются элементами культуры и подвержены репликации. Развитие идей не отличается принципиально от развития технологии. Оно представляет собой череду, а точнее, многомерную сеть бесчисленных заимствований и влияний, а фундаментальные инновации столь же редки, как и независимое появление металлургии или гончарства – два-три раза в истории.

⁴ *Tylor E.B.* Primitive culture: Research into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom. Vol. 1. L.: John Murray, 1871. P. 1.

⁵ *Дюркгейм Э.* Социология: Ее предмет, метод, предназначение: Пер. с фр. М.: Канон, 1995. С. 31–40, 51, 126, 284–304; *Durkheim É.* Jugements de valeur et jugements de réalité: Une édition électronique réalisée à partir de la communication d'Émile Durkheim faite au Congrès international de Philosophie de Bologne, à la séance générale du 6 avril, publiée dans un numéro exceptionnel de la Revue de Métaphysique et de Morale du 3 juillet 1911. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/Socio_et_philo/ch_4_jugements/jugements.pdf (дата обращения 24 авг. 2021).

Современная культурная антропология в целом и в той ее части, которая связана с изучением нарративов, почти полностью сосредоточена на изучении оценок и мнений, причем – и это главное – не в качестве единиц репликации и, следовательно, кросс-культурно, а как отражающих мировосприятие и мироощущение небольших коллективов. При высочайшей теоретической изощренности и тонкой методике такой подход имеет серьезный недостаток. Значения, которыми члены определенного коллектива наделяют материальные и нематериальные объекты и явления окружающего мира, в основном заимствуются, но их совокупность в каждом случае уникальна, подверженные репликации элементы образуют неповторимые сочетания. И поскольку, как только что было сказано, факт репликации в исследованиях данного типа, как правило, замалчивается, может создаться впечатление, будто все наблюдаемое возникает на месте, а не заимствуется, а следовательно, заслуживает изучения хотя бы в силу своей уникальности.

Изучать неповторимое важно в том случае, если речь идет о крупных явлениях, из которых, собственно, и состоит история. Но изучать тысячи, а потенциально и миллионы мелких и выбранных наудачу «кейсов», не принимая во внимание их масштаб и не сравнивая друг с другом, есть занятие, цель которого трудно понять.

Цель нашей работы состоит в прослеживании межрегиональных влияний и связей, культурных границ и контактов, в очерчивании сфер взаимодействий. Именно это определяет в конечном счете ход истории. Культура лабильна и приспосабливается к любым условиям. Последние хотя и содействуют развитию в том или в ином направлении, однако не навязывают обществу частных особенностей, таких как интенсивность и характер социальной мобильности, формы управления, источники пополнения элит, поощрение консервативности или креативности, гуманности или жестокости, терпимости или ксенофобии и т. п. Иначе говоря, качество жизни зависит не только от макроисторических процессов в области усложнения технологии и политических структур или от изменений природной среды, но и от принятых норм поведения, которые при сходстве прочих условий варьируются в широких пределах.

Вернемся к мотиву.

Данный термин был нами принят как основной по причине отсутствия выбора. Создать новый термин искусственно почти невозможно. Гениальные изобретения типа «кварка» или «черной дыры» редки и вряд ли встречаются за пределами точных наук. Между тем требовалось как-то обозначить одним термином любые элементы и особенности нарративов и представлений, которые подвержены репликации, о чем свидетельствует их

неоднократная фиксация. Именно она нас и интересует, поскольку помогает отслеживать контакты между людьми. Если говорить о фольклоре и мифологии, то для некоторых единиц репликации подходит обозначение «эпизод», для других – «образ», для третьих – «сюжет», но в качестве рамочного термина ничего лучше «мотива» найти не удалось. Однако повторю, с чего начал: это не те «мотивы», о которых писали А.Н. Веселовский, С. Томпсон, Б.Н. Путилов или кто-то еще, а инструмент, созданный конкрет-но для наших исследований. Мы определяем мотив как *единицу репликации (чаще всего эпизод или образ), обнаруженный в двух или более традициях, а традицию – как совокупность нарративов, зафиксированных в пределах той или иной этноязыковой общности или территории*.

Повествовательные эпизоды и мифопоэтические образы составляют большинство мотивов. Однако сюда же относятся словесные формулы и клише, имена действующих лиц, видовая принадлежность зооморфных персонажей, космонимы и вообще любые элементы текстов, если они обнаруживаются в разных традициях. Повторяемость – единственное требование, все остальное в данном случае неважно. При этом предполагается, что в каждом тексте, в котором, по нашему мнению, зафиксирован определенный мотив, есть все признаки, заявленные в его определении – без следования этому требованию статистическая обработка материала делается бессмысленной. Соответственно, определения мотивов должны быть краткими и лишены необязательных подробностей.

Обнаружив сходные мотивы в разных традициях, мы выносим за скобки вопрос, идет ли речь о контактах, близких по времени к моменту фиксации текстов, или о сохранении древнего общего наследия – установить это трудно, а с полной достоверностью невозможно. Именно неясность по данному поводу стала, по-видимому, камнем преткновения для Ф. Боаса, попытавшегося в начале 1890-х гг. статистически оценить степень близости индейских традиций американского северо-запада друг к другу и на этой основе высказать предположения о времени появления здесь носителей отдельных языков⁶. Больше он к этой теме не возвращался, хотя продолжение работы, но немного в другом ключе, могло бы уже тогда наметить сценарии заселения Нового Света.

⁶ Boas F. Indian myths and legends from the North Pacific Coast of America. A translation of Franz Boas' 1895 edition of *Indianische Sagen von der Nord-Pazifischen Küste Amerikas* / Edited and annotated by R. Bouchard and D. Kennedy, transl. by D. Bertz. Vancouver: Talonbooks, 2002. P. 635–662.

Также невозможно заранее сказать, какого рода элементы текстов или особенности мифопоэтических образов заимствуются легче, а какие труднее, так что и этот вопрос следует в лучшем случае отложить на потом и не делить мотивы на простые и сложные.

Тем более нет смысла раздумывать о вероятности независимого появления сходных элементов в разных традициях. Такая возможность есть, но на статистику она не влияет, а с каждым конкретным примером надо, если необходимо, разбираться отдельно. Тот же Ф. Боас пришел к выводу, что сделать выбор между гипотезами единого происхождения (заимствования) и независимого повторного возникновения фольклорно-мифологических образов и эпизодов невозможно⁷. В целом это так, но вероятность того или другого предположения неодинакова и зависит от результатов картографирования. При статистической обработке большого массива данных проблема снимается в принципе.

Наша задача состоит не в прослеживании истории отдельных мотивов, а в том, чтобы выявить массовые параллели и, опираясь на совокупность накопленных выводов разных наук, предложить для этих параллелей исторические объяснения. При использовании базы данных, включающей десятки тысяч текстов, случайности уравнивают друг друга, и мы получаем доказательные результаты, касающиеся интенсивности контактов и степени проницаемости культурных границ.

Группы мотивов и результаты их статистической обработки

Сказанное не значит, что мотивы нельзя делить на группы и категории. Классификация мотивов – важнейший инструмент исследования, но ее правильность требует постоянной проверки. Оправданность выбранных принципов для выделения групп мотивов определяется единственным обстоятельством: демонстрируют или нет совокупности мотивов отдельных групп разные тенденции ареального распределения. Если да, то остается определить те исторические процессы, которые повлекли за собой полученные варианты территориального распределения. Если нет, то дробление групп лишь делает выводы менее надежными (чем больше мотивов в группе, тем статистические тенденции достовернее). С другой стороны, если выборки велики, сходство результатов, полученных при независимой обработке мотивов разных групп,

⁷ Boas F. Op. cit. P. 662.

лишний раз доказывает закономерность соответствующей тенденции распределения.

Рассмотрим это на примере мотивов, которые можно обозначить как трикстерские.

Первоначально мы разделили всю совокупность мотивов лишь на две части – на эпизоды и образы, связанные либо не связанные с этиологией и космологией. Первые с долей условности можно называть собственно мифологическими, а вторые – собственно сказочными [Berezkin 2005]. Для проблематики, касающейся заселения Нового Света, подобной бинарной классификации было достаточно, но когда главным предметом исследования стал евразийский фольклор, а объем материала вырос в несколько раз, стало необходимо выделить более дробные и тематически однородные группы. Среди сказочных мотивов есть трикстерские, в которых акторы прибегают к обману и действуют абсурдно и аморально, и героико-приключенческие. В последних участники действия тоже порой прибегают к обману, но повествование не имеет комического характера. В некоторых трикстерских эпизодах героями являются антропоморфные персонажи, в других – животные, в третьих одни и те же роли могут исполнять как люди, так и животные. Чтобы сделать эксперимент чистым, мотивы этой последней группы из рассмотрения были исключены.

Картографирование показало, что различные группы сказочных мотивов в Старом Свете демонстрируют неодинаковое распределение. Этого следовало ожидать, поскольку мотивы отдельных групп преимущественно связаны с разными фольклорными жанрами. Если эти жанры формировались в разное время и в разных исторических обстоятельствах, то и соответствующие сюжеты вряд ли распространялись одинаковыми путями.

Приключенческие мотивы в основном извлечены из волшебной сказки и героического эпоса, эпизоды с зооморфными акторами – из сказки о животных, эпизоды с антропоморфными акторами – из бытовой сказки, анекдотов и сказок о глупом черте. Хотя корреляция между жанровой принадлежностью повествований и группами мотивов не стопроцентная, на основе полученных результатов допустимо делать выводы относительно эпохальной хронологии распространения жанров.

Рассмотрим для начала результаты обработки мотивов с зооморфными акторами (рис. 1 и 2). Следует иметь в виду, что на картах-схемах представлены не места записи конкретных текстов, а выделенные традиции (корейская, бенгальская, восточнорусская, вологодская, западноевропейская и т. п.), каждую из которых статистическая программа наделяет условными математическими значениями. Эти значения – своего рода выжимки из совокуп-

ности мотивов, которые в традициях зафиксированы. Как именно программа работает, я неоднократно писал, но, видимо, лучше это объяснить еще раз.

Параллели между традициями включают хаотичное множество совпадений. Обнаружить здесь слабые, но территориально масштабные закономерности на глаз невозможно. Факторный анализ позволяет выделить в колоссальном массиве противоречивых тенденций основные – так называемые главные компоненты (далее – ГК). Представим себе фольклорно-мифологические традиции с определенным набором мотивов в каждой в виде множества точек в многомерном пространстве. В некоторых областях этого пространства расположение точек более плотное, в других – более разреженное. Главные компоненты выделяют самые плотные и протяженные сгущения, наделяя принадлежащие к ним традиции цифровыми значениями. Чем выше корреляция определенной группы мотивов с определенной группой традиций, тем выше по абсолютной величине математические индексы для данных традиций.

Традиции в большинстве случаев сильно различаются числом мотивов. Плохо изученные программа воспринимает как объективно отличные от богатых, противопоставляя одни другим. Эта оппозиция, которую чаще всего отражает 1ГК, исторической информации не несет. Соответственно самой важной ГК оказывается не первая, а вторая, тогда как следующей по значимости – третья. Остальные компоненты фиксируют чисто локальные связи. На 2 и 3 ГК вместе обычно приходится лишь 8–12% информации (дисперсии), но именно она касается всей совокупности материала, а не множества частных совпадений.

Каждая ГК выявляет две совокупности традиций, наименее похожих составом мотивов. Программа наделяет их индексами со знаком «+» либо «-». Чем ярче проявляется тенденция, характерная для той или другой совокупности, тем выше, как только что было сказано, абсолютная величина индекса. На схемах индексы с плюсовыми либо с минусовыми значениями отображены значками разной формы (кружки и квадраты), а величина значка и интенсивность штриховки соответствуют абсолютной величине индекса. Самые крупные значки соответствуют традициям, в которых концентрация мотивов соответствующего комплекса максимальна.

О тенденциях распределения мотивов надо судить по богатым традициям с высокими индексами. Индексы традиций, в которых число мотивов, характерных для двух совокупностей, уравновешено, близки к нулю. Однако такие же низкие индексы имеют и традиции, в которых число мотивов мало, что обычно связано с недостаточной изученностью. Поэтому необходимо обращать

внимание как на общее число зарегистрированных для традиции мотивов, так и на окружающий ее региональный фон. Бедные традиции хотя и имеют близкие к нулю индексы, но в норме совпадают по знаку (плюс или минус) с культурно родственными им богатыми. Но если число мотивов в традиции ниже некоторого числа, случайная концентрация одних мотивов и столь же случайное отсутствие других может привести к тому, что индекс получит знак, не характерный для остальных традиций в пределах окружающей территории. На схемах эти наиболее бедные традиции не показаны.

Каждая группа традиций с индексами одного знака соответствует общности, обмен информацией внутри которой шел интенсивнее, чем с соседними. Чтобы понять, о каких именно общностях и эпохах идет речь, необходимо, как было сказано, рассматривать результаты на фоне исторических процессов, о которых известно по данным различных дисциплин.

Итак, что же можно сказать о кружках и квадратах на рис. 1 и 2?

Во-первых, что на рис. 1 древнегреческая и древнеиндийская письменные традиции (у них рядом со значком стоит литера «А») обладают высокими индексами. Индексы для древних традиций Египта, Передней Азии, Японии и Китая близки к нулю и на схеме не показаны, но связано это с тем, что в соответствующих источниках эпизоды с участием животных редки, поэтому число мотивов данной группы слишком мало. Можно не сомневаться, что в данный (южноевразийский) комплекс, представленный от Атлантической Европы и Магриба до Индии и Китая, входят некоторые мотивы, которые с глубокой древности были известны на юге Евразии. Зона их распространения примерно совпадает с областью древних и раннесредневековых цивилизаций. Высокие индексы имеют также степные традиции, что почти наверняка связано с распространением индийских сюжетов через письменные тексты и пропаганду буддизма. Древнерусская письменная традиция (XI–XVII вв.) тоже относится к южному комплексу, поскольку связана с византийской. Граница между миром ислама и христианской Европой отсутствует.

Противоположный комплекс (рис. 2) почти полностью локализован вне зоны раннего распространения сложных обществ. Максимально высокие индексы имеют традиции Восточной Европы и восточной Фенноскандии, но в ослабленном виде тот же комплекс распространен через всю Сибирь до Тихого океана. Одной из причин – возможно, главной – доминирования запада над востоком в пределах бореальной зоны Евразии является тот факт, что в Европе записано намного больше фольклорных текстов, чем

Рис. 1. Результаты статистической обработки данных о распределении 187 трикстерских мотивов с персонажами-животными в 294 традициях. 2ГК, дисперсия 4,4%. Традиции с числом мотивов <4 и с близкими к нулю индексами (от 0,24 до -0,24) не показаны. Литерой А здесь и далее обозначены ранние письменные традиции. Южноевразийский комплекс традиций

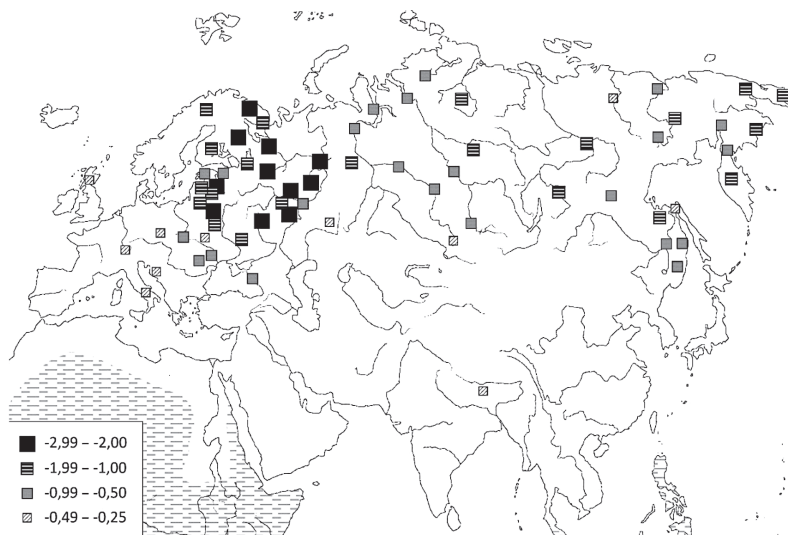

Рис. 2. То же, что на рис. 1. Северноевразийский комплекс

в Сибири. Европейские традиции надо было бы сравнивать не с тем, что сохранилось в Сибири до XX в., а с фольклором сибирских народов, с которыми встретились русские первопроходцы. За 350 лет многие языки исчезли, и то же самое наверняка произошло с нарративами. При этом точных параллелей с русскими текстами сибирские не содержат, и о массовом заимствовании русских сказок о животных сибирскими аборигенами речи быть не может. К тому же ареал распространения северного комплекса хотя и напминает на первый взгляд территорию Российской империи, однако не соответствует никакому конкретному периоду ее существования. На зафиксированный в источниках фольклор западных саамов или народов Амура русская колонизация никоим образом не могла влиять.

Охватывающая север Евразии область распространения повествовательных эпизодов с участием животных, по-видимому, начала формироваться давно – вполне возможно, еще до славянской колонизации севера Восточной Европы.

Посмотрим теперь, что показывает ЗГК, отражающая следующую по значимости трансконтинентальную тенденцию в том же материале – трикстерские мотивы с зооморфными протагонистами (рис. 3 и 4).

Как и на рис. 1 и 2, границы между миром ислама и христианской Европой на рис. 3 и 4 нет, древнегреческая традиция имеет высокий индекс, а древнерусская к ней близка. Это значит, что материал по-прежнему отражает тенденции, сформировавшиеся до того, как обмен информацией между христианскими и исламскими традициями, который при Омейядах и Аббасидах был весьма интенсивным, сократился. Но главное, что мы видим, – это связь Восточной Европы с Великой Степью (рис. 4), причем самые высокие абсолютные индексы имеют восточные традиции: халха-монгольская, казахская и башкирская. К ним близки восточные славяне и Кавказ, в основном Северный, тогда как Анатолия и Армения занимают нейтральное положение. Подобная картина выглядит логичной для эпохи средневековья, примерно от хазар до Батыя. Поскольку параллели европейскому комплексу (рис. 3) прослеживаются на Дальнем Востоке, в Индии и в Индокитае, центральноазиатско-восточноевропейский выглядит как новообразование, а западноевропейский – как своего рода фон, континуум, расчлененный в ходе тюрко-монгольских миграций на запад.

Интересно, что среди традиций восточной Прибалтики наибольшее число восточных мотивов содержит литовская. Не является ли одной из причин влияние золотоордынских татар, переселившихся в Великое княжество Литовское в XIV в.?

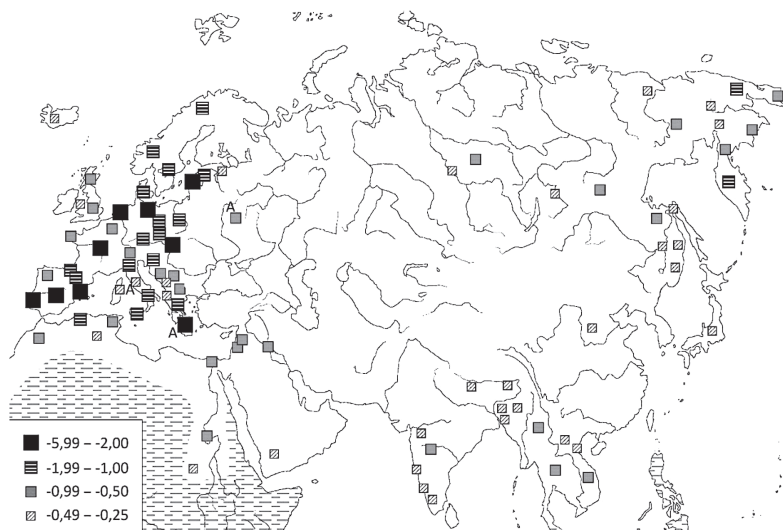

Рис. 3. Результаты статистической обработки данных о распределении 187 трикстерских мотивов с персонажами-животными в 294 традициях. ЗГК, дисперсия 3,2%. Традиции с числом мотивов < 3 и с близкими к нулю индексами (от 0,24 до -0,24) не показаны.
Западноевропейский комплекс

Рис. 4. То же, что на рис. 3.
Центральноазиатско-восточноевропейский комплекс

Обратимся к результатам обработки трикстерских мотивов с антропоморфными акторами (рис. 5 и 6).

Перед нами новый вариант распределения, при котором граница между двумя комплексами мотивов и традициями, в которых преобладают один или другой, в Европе и Средиземноморье в точности совпадает с границей между Османской империей и христианской Европой, лучше всего соответствуя исторической ситуации XVI–XVII вв. При этом назвать такую границу межконфессиональной было бы не вполне верно. Христианские анклав в Закавказье мало отличаются составом мотивов от соседних исламских традиций, а не затронутые исламом традиции Монголии и Южной Сибири близки к кавказским и среднеазиатским. Речь идет не о мировых религиях, а о сферах обмена информацией – европейской и азиатско-африканской, хотя формирование этих сфер с распространением определенных конфессий, разумеется, связано. Восточной Азии данная дихотомия не касается, поэтому индексы для местных традиций близки к нулю. Некоторое центральноазиатское влияние заметно лишь в корейском фольклоре.

Для мотивов рассматриваемой группы это основная тенденция, которую отражает 2 ГК, но есть и другая – более слабая, но также прослеживаемая трансконтинентально, представленная 3 ГК (рис. 7 и 8).

Полученное в данном случае распределение для центральноазиатско-восточноевропейского комплекса почти совпадает с тем, которое проявилось после обработки трикстерских мотивов с персонажами-животными (рис. 4), а значит, тоже свидетельствует о тюрко-монгольском влиянии на восточноевропейский фольклор. Для противоположного южноевразийского комплекса (рис. 8) распределение скорее ближе к тому, которое для мотивов с персонажами-животными отражает 2ГК (рис. 1). Это не удивительно, поскольку зона евразийских цивилизаций после конца античности свою конфигурацию существенно не поменяла. Трикстерские мотивы с антропоморфными персонажами в древнегреческой и в индийской литературной традиции присутствуют, но в меньшем числе, чем эпизоды с участием животных. Зато они пусть слабо, но статистически заметны не только в древнерусской, но и в скандинавской письменной традиции («Эдда» и Саксон Грамматик). Все это указывает на середину и вторую половину I тыс. н. э. – но вряд ли раньше – как на период, когда началось распространение подобных эпизодов.

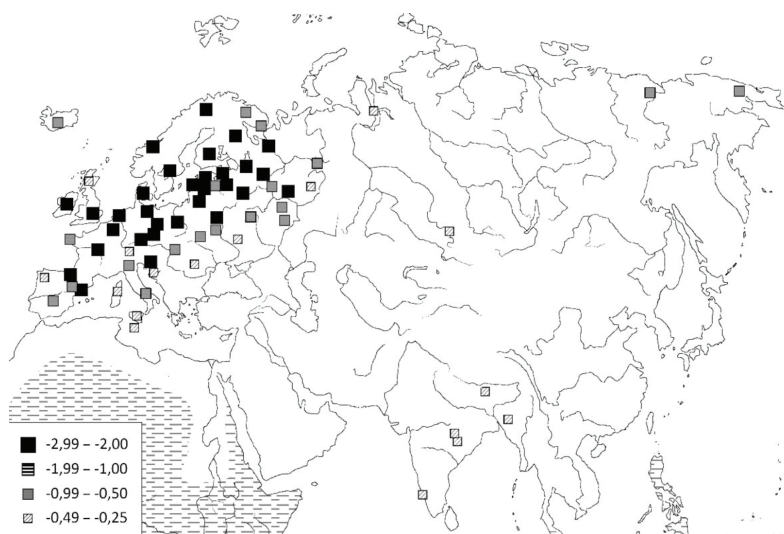

Рис. 5. Результаты статистической обработки данных о распределении 193 трикстерских мотивов с антропоморфными акторами в 285 традициях. 2ГК, дисперсия 5,5%. Традиции с числом мотивов <7 и с близкими к нулю индексами (от 0,19 до -0,19) не показаны. Европейский комплекс

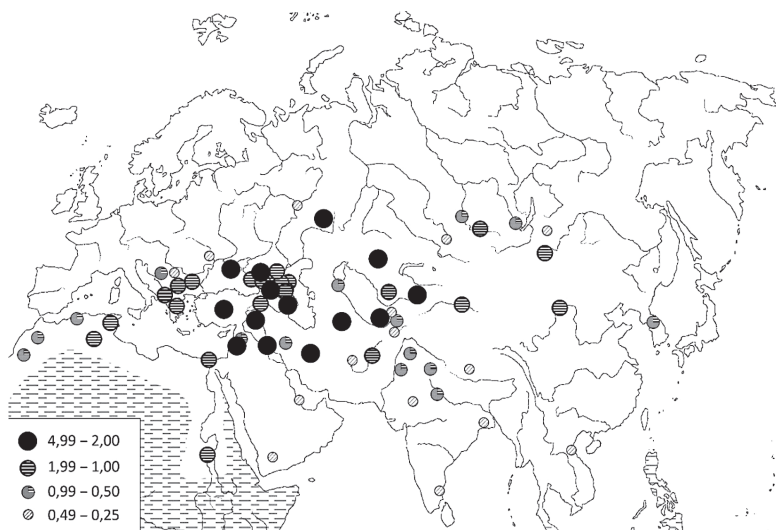

Рис. 6. То же, что на рис. 5. Азиатско-африканский комплекс

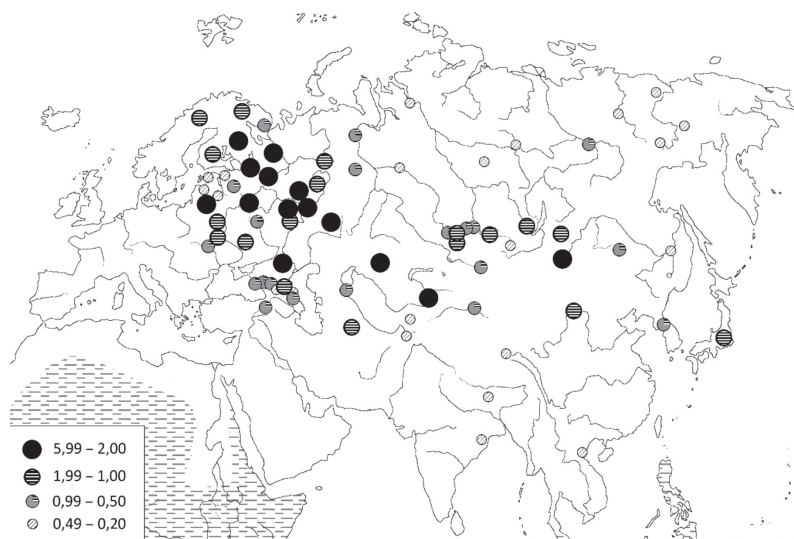

Рис. 7. Результаты статистической обработки данных о распределении 193 трикстерских мотивов с антропоморфными персонажами в 285 традициях. ЗГК, дисперсия 3,4%. Традиции с числом мотивов <2 и с близкими к нулю индексами (от 0,19 до -0,19) не показаны. Центральноазиатско-восточноевропейский комплекс

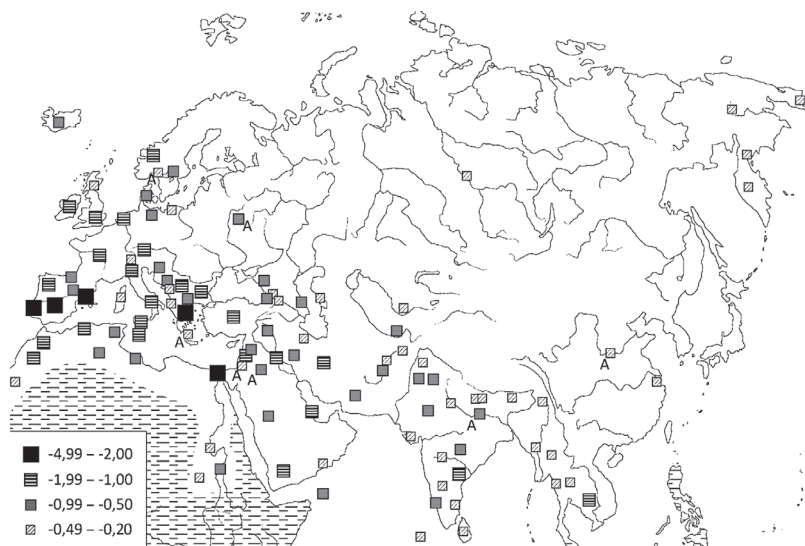

Рис. 8. То же, что на рис. 7. Южноевразийский комплекс

Выводы

На восьми приведенных схемах отражены совокупные данные о распространении в пределах основной области Старого Света трикстерских мотивов, в основном извлеченных из текстов, записанных в XVIII – первой половине XX в. На каждом из пары рисунков (1–2, 3–4, 5–6 и 7–8) представлено по два комплекса, которые составом мотивов больше всего отличаются друг от друга. Конфигурация этих восьми комплексов заставляет предполагать, что период наиболее интенсивного распространения нарративов с использованием трикстерских эпизодов приходится на время от поздней античности до конца средневековья. Однако для эпизодов с антропоморфными трикстерами, а следовательно, для бытовой сказки и анекдотов активный период распространения продолжался и в Новое Время, тогда как эпизоды животной сказки распространялись и ранее середины I тыс. н. э., причем как в бореальной зоне Евразии, так и на юге, в зоне раннего формирования государственных обществ. К середине I тыс. н. э. эта зона протянулась от Британии и Марокко до Индокитая и Японии.

Китай на наших схемах выглядит бедно. Это вызвано прежде всего недостатком данных, поскольку академические собрания китайского фольклора по отдельным провинциям не переведены на европейские языки, а некоторые недоступны и по-китайски. Сама задача картографирования китайского фольклора никем не ставилась. Кроме того, если судить по текстам, перевод которых был осуществлен А.С. Крамсковой и А.Э. Тереховым в рамках работы по гранту РНФ № 18-18-00361, восточноазиатский набор мотивов своеобразен и на общевразийском фоне при доминировании материала с более западных и северных территорий остается статистически незаметен.

Особую проблему составляет определение *terminus ante quem* формирования бореального комплекса мотивов с зооморфными персонажами. Чтобы это выяснить, необходимо сравнить соответствующие данные по Сибири и Северной Америке. Пока создается впечатление, что соответствующие мотивы в европейских, сибирских и североамериканских текстах редко совпадают. Географически самые далекие аналогии есть между Лапландией и Чукоткой и между Сибирью и американским северо-западом, но их недостаточно для того, чтобы они оказались статистически значимыми. Уводить животную сказку в палеолит вряд ли допустимо. В то далекое время жанровые деления в повествовательных традициях Евразии, скорее всего, отсутствовали, подобно тому, как они практически отсутствуют в фольклоре американских индейцев. Если в традициях обитателей Нового Света такие деления

и удается наметить, они оказываются сглажены, неустойчивы и меняются от одного ареала к другому. Так, если у индейцев Равнин антропо- и зооморфные акторы обычно действуют в разносюжетных повествованиях, то в большинстве традиций Калифорнии все участники – это животные, а точнее – первопредки, у которых черты людей и животных слиты и смешаны. Заведомо лишённого установки на достоверность сказочного фольклора в Америке, безусловно, нет.

Наши материалы доказывают значительное влияние Центральной Азии на фольклор Восточной Европы. Почти полтора века назад Г.Н. Потанин обратил внимание на подобные параллели, считая их источником тюрко-монгольский мир. Потанин прекрасно понимал, что не обладает достаточной профессиональной подготовкой и временем, чтобы систематически и корректно проследить подобные аналогии⁸. Многие его заключения и этимологические фантазии нельзя принимать всерьёз, однако в главном он оказался прав. Центральноазиатский и восточноевропейский фольклор похожи, и донором была, несомненно, Центральная Азия. Это следует как из того, что известно о тюрко-монгольских миграциях с востока на запад (да и родина царских скифов, по видимому, находилась в Туве [Козинцев 2007, с. 155]), так и из отсутствия соответствующих мотивов в греческих и других древних письменных памятниках из Средиземноморья и Передней Азии.

Литература

- Козинцев А.Г.* Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 143–157.
- Adams R.N.* Energy and structure. A theory of social power. Austin; L.: University of Texas Press, 1975. 353 p.
- Berezkin Yu.* Continental Eurasian and Pacific links in American mythologies and their possible time-depth // Latin American Indian Literatures Journal. 2005. Vol. 21. No. 2. P. 99–115.

⁸ *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поруч. Имп. Рус. геогр. о-ва чл.-сотр. одного Г.Н. Потаниным. Вып. 4: Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1883. С. 649–660; *Он же.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Геогр. отд. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899. С. 1–4, 841–856.

- Geertz C. Religion as a cultural system // Geertz C. The interpretation of cultures. Selected essays by Clifford Geertz. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 87–125.
- Windelband W., Oakes G. History and natural science // History and Theory. 1980. Vol. 19. No. 2. P. 165–168.

References

- Adams, R.N. (1975), *Energy and structure. A theory of social power*, University of Texas Press, Austin, USA, London, UK.
- Berezkin, Yu. (2005), “Continental Eurasian and Pacific links in American mythologies and their possible time-depth”, *Latin American Indian Literatures Journal*, vol. 21, no. 2, pp. 99–115.
- Geertz, C. (1973), “Religion as a cultural system”, in Geertz, C., *The interpretation of cultures. Selected essays by Clifford Geertz*, Basic Books, New York, USA, pp. 87–125.
- Kozintsev, A. (2007), “Scythians of the North Pontic region: Between-group cranial variation, affinities, and origins”, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 4, no. 32, pp. 143–157.
- Windelband, W. and Oakes, G. (1980), “History and natural science”, *History and Theory*, vol. 19, no. 2, pp. 165–168.

Информация об авторе

Юрий Е. Березкин, доктор исторических наук, профессор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3;

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 1; berezkin1@gmail.com

Information about the author

Yuri E. Berezkin, Dr. of Sci. (History), professor, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; bld. 3, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034;

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia; bld. 1, Shpalernaya St., St. Petersburg, Russia, 191187; berezkin1@gmail.com